

Образ войны в романе «Зной дневной» Элизабет Боуэн

Вафина А.Х., канд филол. н. доц. ИФМК КФУ, alsu_vafina@mail.ru,

Гафиятова Э.В, д. филол. н., проф. ИФМК КФУ, rg-777@ya.ru

Вторая мировая война имело большое значение для творчества Э. Боуэн: автор фокусируется на изображении войны через призму женского восприятия и на изменении традиционных гендерных ролей в этот период. Война, хоть и не занимает все «полотно» произведений писательницы, однако ее изображение имеет большое значение для эмоционального фона в ее творчестве. Особое место среди этих произведений занимает роман «Зной дневной» (*The Heat of the Day*), написанный автором в 1949 году: фокусируясь на межличностных отношениях и на переживаниях героев, писательница создает напряженную атмосферу Лондона во время войны.

Повествование начинается с описания осеннего парка, в котором играет венский оркестр. Публика собирается послушать музыку, чтобы посредством искусства облегчить эмоциональную напряженность военного времени. Автор точно подмечает, что люди, уставшие и изнуренные оточных воздушных атак, избегают тьмы и тянутся к свету: «War had made them idolise day and summer; night and autumn were enemies» ¹ [5: 3]. Осень названа здесь «врагом» очевидно потому, что страшный период непрерывных бомбардировок начался в сентябре 1940 года.

С войной пришла необходимость защищать свою страну, многие люди были вынуждены рисковать своей молодостью, здоровьем и жизнью. Сын Стеллы Родерик отправился в армию в двадцать один год. Героиня боится, что Родерик изменится: боится прежде всего не того, что потеряет его физически, а того, что потеряет духовно, утратит связь между ними, что служба в армии и жестокости войны сделают его другим человеком: «For what nagged at her, what flickered into her look each time she confronted the soldier in battle dress, was the fear

---

¹ Война заставила их идеализировать день и лето; ночь и осень стали врагами. (Данный роман не переведен на русский язык. Здесь и далее перевод наш – В.А., Г.Э.).

that the Army was out to obliterate Roderick. In the course of a process, a being processed, she could do nothing to stop, her son might possibly disappear»² [5: 50].

На протяжении романа Стелла не раз вспоминает первые воздушные налеты, страшные осенние ночи, проникнутые ощущением смерти, грохотом падающих бомб, когда каждый думал о том, сможет ли дожить до утра: «Out of mists of morning charred by the smoke from ruins each day rose to a height of unmisty glitter; between the last of sunset and first note of the siren the darkening glassy tenseness of evening was drawn fine»³ [5: 87]. Парки в это время были закрыты, но в них по-прежнему расцветали георгины, а птицы продолжали петь. Автор описывает идиллическую картину опустевшего парка, тем самым создавая контраст, еще более усиливающий гнетущее впечатление от сцен разрушенного города и мертвых тел.

В произведении, действие в котором происходит во время войны, не избежать темы смерти. Погибшие под обстрелами люди, в представлении Э. Боуэн, как бы безмолвно упрекают тех, кто остался в живых, однако не за то, что кому-то удалось спастись, в отличие от них, а за свою неизвестность, то есть за то, что после их смерти город и люди продолжат жить, как и раньше, не задумываясь о том, что этот человек так же недавно ходил, дышал, чувствовал, а теперь утратил эту возможность.

Атмосфера, наступившая в Лондоне спустя два года после падения первых бомб, характеризуется в романе как «мертвящая акклиматизация» (deadening acclimatization) [5: 100]. Время наивысшего напряжения, наиболее острой тревоги и страха кажется более далеким от настоящего, чем мирное время. Казалось бы, невозможно привыкнуть к состоянию войны, когда в любой момент могут возобновиться атаки, когда постоянно приходят печальные новости с фронта, тем не менее люди привыкают, и первые дни ужаса и отчаяния

---

² Что не давало ей покоя, что мелькало в ее взгляде каждый раз, когда она сталкивалась с солдатом в военной форме, так это страх, что армия собирается уничтожить Родерика. В ходе процесса, который она никак не могла остановить, ее сын мог исчезнуть.

³ Из утренних туманов, обугленных дымом руин, день каждый раз поднимался на высоту незатуманенного блеска; между последним закатом и первой нотой сирены тонко вырисовывалась мрачная стеклянная напряженность вечера.